

Мир - всем.
Безопасность - каждому.
Процветание - России.

Егор Гайдар:

Пора отбросить иллюзии.

Часть 1: Еще раз о реформах в стране и мире

"... Когда мы пришли в правительство в конце 1991 года, самое большое потрясение, которое я испытал, было от внезапного понимания отсутствия какого бы то ни было управления ведущими отраслями, всей экономикой. Было ощущение, что самолет летит, а экипаж тихонько выпрыгнул на парашютах..."

Е. Гайдар, 1994 г.

Центральный аппарат партии ДВР
Отдел по связям с общественностью

Егор Гайдар: *Еще раз о реформах в стране и мире*

На имя Егора Тимуровича Гайдара и в Центральный аппарат партии по-прежнему поступают письма, в которых члены, сторонники партии, люди, стремящиеся разобраться в происшедшем и происходящем в стране и мире, оппоненты вновь и вновь возвращаются в своих вопросах к 1991 и 92 годам. В большинстве из этих писем присутствует просьба - еще раз поговорить о реформах, их начале, о том, как Е.Т.Гайдар оценивает те или иные общественные и экономические процессы.

Предлагаемый материал представлен в виде выделенных жирным шрифтом вопросов оппонентов и ответов Егора Тимуровича Гайдара.

* * *

У Гайдара в 1991-92 годах ничего не получилось с проведением реформ. С того времени начался развал экономики в России.

Е. Гайдар (далее - Е.Г.): Тогда, в 91-м, на старте реформ, перед нами стояла абсолютно срочная задача. Разваливалась административная система управления. Работа нерыночного хозяйства невозможна без жесткой тоталитарной власти. Крушение КПСС, обслуживающих ее властных инструментов неизбежно повлекло за собой острейший кризис социалистической экономики, в которой перестают работать приказы и отнюдь не начинает сразу работать рынок. Отсюда - тотальный дефицит, реальная угроза краха систем жизнеобеспечения. Деньги не работали. Пятнадцать государственных банков печатали рубли, а покупать на них было нечего. Принципиальным был вопрос: сумеем ли мы запустить рыночные механизмы, не допустив голода, в кратчайшие сроки заставить работать рынок, вернуть хотя бы минимальное доверие к рублю, добиться, чтобы на прилавках появились товары, чтобы экономика стала открытой, образовался частный сектор?

Это сделать удалось. Рынок работает, рубль конвертируемый и устойчивый, частный сектор создан, экономика открытая, о дефиците и карточках мало кто вспоминает.

Чего не получилось? Не удалось совершить переход быстрее, а значит, безболезненнее, ибо здесь каждый лишний год - это дополнительные тяготы для народа. Там, где мы находимся сегодня, вполне можно было быть по меньшей мере три года тому назад.

С 1992 года в России осуществляется гайдаровский курс, не имеющий будущего. Провал прошлых правительств В.С.Черномырдина объясняется тем, что их программы писались гайдаровским институтом.

Е.Г.: Мне очень интересно слышать о гайдаровском курсе, который реализуется на протяжении шести лет.

По моему глубочайшему убеждению, никакого общего курса, который реализовался бы за это время, не было. Была серьезнейшая борьба вокруг

направлений экономической политики. Были прорывы, к сожалению, короткие, по отдельным направлениям, были длительные метания и колебания. Любой, кто читает газеты, не может этого не знать.

Когда был гайдаровский курс?

- Когда Черномырдин замораживал цены в конце 1992 года?

- Когда накачивали денежную массу, "поднимая производство" в 1994-м, и шли к "черному вторнику"?

- Когда на протяжении 4 лет пробуксовывали все структурные реформы и весной 1997-го пришлось браться за них с огромным опозданием?

Не было гайдаровского курса. К тому же зачем обижать, скажем, Вольского, Глазьева, Геращенко, Черномырдина и других российских политиков, чьи идеи воплощались с не меньшим усердием, чем гайдаровские, и во всяком случае, в более обширные временные периоды?

Да, были отдельные эпизоды, в которые проводилась достаточно осмысленная экономическая политика: первая половина 1992 года, осень 1993-го, с марта по июль 1997 года. Но никакого единого курса не было.

Почему Польша в экономических успехах далеко опережает нас, а при социализме этого не было?

Потому что в Польше был реализован курс радикальных реформ, который у нас получил журналистское название "шоковой терапии". Потому, что несмотря на все колебания в составе польского правительства, линия на финансовую стабилизацию, радикальные рыночные реформы и скорейшую интеграцию в европейские структуры была последовательно проведена. Поэтому экономический рост в Польше начался через 3 года после начала падения производства, а не через 8 лет, как у нас, и цена экономической реформы там оказалась несравненно меньшей. Польская политическая элита, в отличие от нашей, оказалась способной прийти к консенсусу по принципиальным направлениям.

Со времен Гайдара правительства России наделали много внешних долгов, которые придется выплачивать будущим поколениям?

Е.Г.: Давайте разберемся с долгами. По состоянию на конец 1994 года, когда были в полной мере упорядочены наши отношения по долгам Советского Союза и Россия уже произвела некие заимствования у международных финансовых организаций, долг России состоял из двух компонентов: 109 миллиардов долларов - долги СССР и 11 миллиардов долларов - долги проводившей тяжелейшие реформы России. На конец 1997 года общая задолженность страны выросла немного и составила примерно 123 миллиарда долларов. При этом постепенно сокращается доля долгов Союза и увеличивается доля долгов России.

Что это означает? Это означает, что практически все долги, которые занимает сейчас Россия, идут на обслуживание и сокращение долга СССР. Вот для чего мы занимаем у Международного валютного фонда (МВФ):

чтобы выплачивать проценты по долгам бывшего Союза и гасить часть его задолженности, которая осталась неурегулированной.”

Серьезные политологи и экономисты знают природу развития при социализме. Источники хорошо известны: с начала 30-х до конца 50-х - развитие за счет разорения деревни. Затем - за счет нефтяной ренты с уникальных по низкой стоимости добычи богатейших месторождений Западной Сибири. С 80-х годов - за счет быстрого наращивания внешнего долга и продажи валютных и золотых запасов.

К тому моменту, когда ругаемые многими реформаторы пришли в правительство, общие долги Союза составляли 109 миллиардов долларов, а в казне не было абсолютно ничего.

Реформаторы с самого начала глупо надеялись на помощь Запада, а он их обманул.

Е.Г.: Уникальность российских реформ состоит в том, что они начинались как раз без взаимодействия с МВФ. Тогда мы не были членами Международного валютного фонда, других финансовых организаций. МВФ не понимал, что здесь происходит, с кем надо иметь дело. Поэтому сотрудничество с Фондом началось значительно позже, чем стартовали реформы, что, конечно, не помогло нам в решении острейших финансовых задач.

Надо сказать, мы все это понимали и отдавали себе отчет, что на крупные займы в начальный период реформ рассчитывать нельзя. Напомню хотя бы положение программы на 1992 год, где мы ставили себе задачу свести бюджетный дефицит к минимуму, чтобы не зависеть от кредитов. Так что несмотря на молодость, наше правительство было не столь наивно, как кажется.

Гайдар вслепую скопировал “шоковую терапию” с соседних стран и не придумал революционного прорыва, подходившего бы России.

Е.Г.: Своим оппонентам я бы посоветовал чаще опираться на логику. Они видят успехи Польши, Чехии, где именно “шоковая терапия” дала хороший результат, и тут же ругают российских реформаторов за то, что они пошли тем же путем. На самом деле, как я уже говорил выше, в силу метаний в нашей стране не была осуществлена последовательная либеральная линия.

Что касается тезиса о том, будто Гайдар пытался что-то слепо скопировать. Любому мало-мальски образованному экономисту с самого начала было ясно: копировать абсолютно невозможно. Ситуации, в которой оказалась Россия в 1991 году, никогда в мировой экономической истории не было. Никогда не разваливалась держава, в которой 75 лет существовала социалистическая экономика, никогда это не совпадало с крахом всей системы управления, никогда полтора десятка центральных банков одновременно не печатали общую валюту и т.д.

Да, отдельные элементы опыта, в том числе стран, уже начинавших выходить из социализма - Польши, Чехии, как и опыт послевоенных стабилизаций мы хорошо знали и постарались использовать. Но российская ситуация требовала новых решений, порой - предельно рискованных, на которые приходилось идти.

Возьмем маленькую частную, но принципиально важную задачу. Зарубежные эксперты считали, что нужно сохранить общую рублевую зону. Мы же были глубоко убеждены, что общая рублевая зона работать не будет, что мы получим масштабный импорт инфляции в Россию, который перечеркнет все наши стабилизационные усилия. Дальнейшие события подтвердили, что мы в полном объеме были правы. Таких примеров было немало, так что ни у кого ничего под диктовку списывать было невозможно.

У каждой реформируемой страны были национальные модели преобразований - у США при Рузвельте, в послевоенной Германии, во Франции, в Чили, Японии, Китае, - которые быстро дали результаты. Наши же реформаторы абсолютно не учитывали народную идеологию.

Е.Г.: Тема приспособления к России моделей реформирования всех перечисленных стран широко обсуждается в экономических, политических кругах и СМИ еще с горбачевских времен.

Оценки "взрывных реформ", которые по мнению многих оппонентов сразу давали осязаемые результаты, часто не учитывают всю сложность процессов, сопровождавших или сопровождающих эти реформы.

Чили при Августо Пиночете. Приведу лишь несколько фактов, которые желательно знать всем, берущимся судить о подобного рода вещах. Экономика Чили была деформирована гораздо слабее, чем в России. Там действительно тоже был устроен масштабный социалистический эксперимент с накачкой денег, попыткой заморозить цены, провести национализацию. Но все же это было попыткой и длилось недолго. В 1973 году последовал военный переворот, цены разморозили, и, как и у нас, прилавки наполнились продуктами. То есть первые результаты действительно были получены сразу. А вот дальше все было очень непросто. Примерно 3 года - и это при условии авторитарного режима, сильной экономической команды и более благоприятной структуры хозяйства - ушло на то, чтобы снизить уровень инфляции. Начавшийся в самом конце 70-х годов экономический рост оказался неустойчивым, сменился падением на фоне мирового финансового кризиса. Только с 83-го года, через 10 лет после начала реформ, в Чили восстанавливается устойчивый экономический рост. Только к 1986 году по объему ВВП на душу населения эта страна выходит на уровень 1971 года.

Конечно, потом, когда за этим следует десятилетие динамичного роста, самого высокого в Латинской Америке, разговоры о "чилийском чуде", которое произошло быстро и просто, становятся обыденным элементом легкого чтения, и, видимо, оттуда переходят в аргументы многих маститых политологов.

Рузвельтовский новый курс, провозглашенный в 1933 г. Напомню, что в 1937-1938 годах восстановление американской экономики сменилось новым падением, что в 1938 году уровень ВВП был существенно (на 12%) ниже, чем в 1929 г., что только вторая мировая, военные заказы существенно переломили тенденцию. И, учтите, все эти годы титанических усилий ушли не на коренную, революционного типа перестройку экономики, а на более точную ее настройку.

Еще один миф - чудесное возрождение послевоенной Японии якобы благодаря коллективизму и планированию. На самом деле в Японии была проведена очень жесткая стабилизационная политика, приблизительно то, что мы называем сейчас "шоковой терапией". Причем реформы шли под диктат оккупационных властей, оказались отнюдь не легки для народа и вовсе не так быстро дали результаты, как представляется. В 1953-1954 гг. все авторы, писавшие о Японии, были полны глубокого пессимизма по поводу перспектив японской экономики, писали, что Япония никогда уже не поднимется, на всю жизнь останется нахлебницей Запада. Лишь в 1956 году здесь был достигнут довоенный уровень душевого ВВП. И только в начале шестидесятых годов отношение к Японии радикально меняется - всем становится понятно, что эта быстрорастущая страна с огромной перспективой. Я хотел бы, чтобы мои оппоненты самостоятельно посчитали, сколько лет для этого понадобилось японцам.

"Экономическое чудо" послевоенной Германии. В России издано много книг о "немецком чуде" и о его творце Эрхарде. Но почитайте, что писали о Людовике Эрхарде и немецких реформах социал-демократические оппоненты в то время. Например: "Все положения и теория, которые нам преподносил федеральный министр народного хозяйства (Эрхард. - Е.Г.) окончательно потерпели крах. Вся его политика кончилась провалом". Или: "Эта экономическая политика катастрофична". И только к 1956 году оппозиция стала высказываться, как вспоминал Эрхард, несколько более примирительно.

Особо следует остановиться на Китае. Эта тема, пожалуй, величайшее недоразумение во всем спектре обсуждаемых альтернатив. К 1978 году, когда Китай начал серьезно менять траекторию своего развития, по производству валового внутреннего продукта на душу населения, доле населения, занятого в сельском хозяйстве, и многим другим структурным показателям эта страна очень напоминала Россию 1929 года. В Китае была огромная избыточная занятость в примитивном сельском хозяйстве, где сотни миллионов людей пребывали на грани голода, никаких социальных гарантий для подавляющего большинства населения не было, как, впрочем, нет и сейчас.

Китай тоже пытался наращивать экспорт нефти, решать проблемы аграрного сектора на основе импорта продовольствия. Но в конце концов стало ясно, что дальше по социалистическому пути идти невозможно. При очень низком уровне индустриального развития Китай получил

возможность формировать свой новый частный индустриальный сектор не на месте старого госсектора, а рядом - и это очень важное отличие от ситуации в России.

Первое, что там затронуло подавляющее большинство населения, - это шоковая аграрная реформа, деколлективизация. Ее значение для Китая сопоставимо с тем, как если бы Сталин распустил колхозы сразу после войны. Причем процесс шел отнюдь не по гениальному замыслу Дэн Сяопина. Если посмотреть китайские документы, то можно узнать, что коммунистическое руководство сначала пыталось сдерживать развитие подворного подряда, ограничить его применение территорией отсталых районов. Но движение к подворному подряду в крестьянской стране вспыхнуло, как пламя, и остановить его было невозможно. В 1980-м коммуны были распущены повсеместно, хотя это совершенно не вытекало ни из каких принятых документов.

Кстати, Зюганов тоже хвалящий "китайский путь", мог бы взять на вооружение хотя бы этот первый этап китайских реформ.

Когда совершился радикальный перелом в деревне, у китайцев появилась возможность использовать огромный высвобождающийся потенциал для того, чтобы создавать мелкую и среднюю, ориентированную на внешний рынок частную и получастную промышленность. Например, поلودье пуховых курток, с которым знакомы россияне, как раз оттуда, из китайской деревни. Можно себе представить, какое оживление внесло это раскрепощение в до того ужасающе бедные аграрные регионы страны. Так был получен первый прирост производства.

Да, там долго оставался госсектор с 18 % занятых - что в 79-м, что в середине 90-х. Явно неэффективный, он потреблял огромную долю кредитных ресурсов - до 75-80 %. Но так как он был островком (это же не огромная советская индустриализованная гора с беспрецедентным по масштабам военно-промышленным комплексом), то его можно было довольно долго поддерживать за счет ресурсов, которые высвобождало новое сельское хозяйство и возникший частный сектор.

Вывод из китайского опыта таков: индустриализация может идти по разным направлениям. Когда сейчас восхищаются высокими темпами китайской индустриализации, следует напомнить: на том же уровне развития - в первые пятилетки - темпы индустриализации и роста ВВП у нас были сопоставимы с китайскими. Другое дело, что тогда в СССР формировалась уродливая индустриальная структура, которая раньше или позже должна была потянуть страну вниз, а в Китае рождался ориентированный на рынок, интегрированный в мировую экономику частный сектор.

Так что вполне можно обсуждать, была ли у Сталина альтернатива типа китайской в 1929 году или в 1945 году, можно ли было еще успеть сесть на этот уходящий поезд в самом конце 50-х годов, когда доля занятых в сельском хозяйстве России составляла 50 %. Но всерьез рекомендовать России стратегию китайских реформ даже применительно к

началу горбачевского периода, к 1985 году - это вообще не понимать, что такое логика индустриализации.

Я очень желаю китайскому руководству и китайскому народу пройти следующий этап реформ без потрясений, но опасаясь, что все самые серьезные неприятности у этой страны впереди. В Китае понимают потенциальные риски и все же решили сбросить с госбюджета индустриальных монстров, которых так долго удавалось кормить за счет частного сектора. Дальше продолжать ту же политику стало просто гибельно.

Е.Г. (вместо заключения): Валовый внутренний продукт в России сегодня ниже, чем валовый внутренний продукт в РСФСР, примерно на 30 процентов. Промышленное производство упало более чем в половину. Количество семей, имеющих машины, за это время увеличилось вдвое, на 8 миллионов. Может это быть вместе правдой? Может.

Социалистическая экономика по своей природе была прямым аналогом экономики Египта периода строительства пирамид. Когда их строительство прекратилось, какая-то часть ресурсов перераспределилась в ремесло и сельское хозяйство, то есть благосостояние какой-то части населения выросло.

Когда разваливается социализм, совершенно неизбежно начинается падение производства, потому что идет постепенное перераспределение ресурсов, связанных с неэффективными видами деятельности, в новые эффективные. Причем из-за влияния рынка и конкуренции это не тот процесс, который вы можете организовать упорядоченно.

У нас, в отличие, скажем, от Польши, была недостаточно последовательная политика реформ, поэтому период падения производства растянулся не на три года, а на семь. Падение оказалось в результате гораздо более глубоким, чем оно должно было быть. А предпосылки роста оказываются гораздо хуже сформированными.

Конечно, в России сегодня экономическое положение неизмеримо лучше и стабильнее, чем оно было в 1991 году. Конечно, за это время пройден огромный путь к сформированию базы рыночной экономики. Но из-за отсутствия систематической и последовательной политики переход оказался гораздо более социально травматичным, чем он должен был быть, падение производства больше, падение доходов больше, период падения и период социальной дезорганизации дольше и так далее. Мы довольно дорого заплатили за истеричные крики тех, которые говорили, что радикальные реформы в России не нужны.